

Е. Н. ГИНДА
(Львов, Украина)

СОВРЕМЕННОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО УКРАИНСКОЙ ДИАСПОРЫ В ИТАЛИИ: СВОЙ ТРАДИЦИОННЫЙ МИР В ЧУЖОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются проявления традиционной народной культуры в жизни и творчестве современной украинской диаспоры в Италии. Мировоззренческие и этноментальные стереотипы украинской народной культуры, эксплицируемые этой социокультурной группой, рассмотрены как одна из форм построения «своего» мира в «чужом» пространстве.

Ключевые слова: украинская диаспора в Италии, трудовые мигранты, традиционная культура, свой мир, чужое пространство.

Материалом аналитического дискурса послужили наблюдения автора над жизнью, бытом и творчеством украинских эмигрантов, работающих в разных регионах Италии. Функционирование традиционной культуры в иной социокультурной среде исследуется на всех уровнях: содержательном, формальном, жанрово-тематическом и т. п. В статье сделана попытка обозначить, каким образом эксплицирована в среде украинских трудовых мигрантов народная культура, апелляция к которой помогает выстраивать/воссоздавать свой мир в «чужом» пространстве. Методологическим ориентиром исследования послужили идеи профессора А. С. Каргина о разновекторности и многообразии современных фольклорных проявлений и, как следствие, расширении «оптики» их исследовательского видения. По мнению ученого, сегодня фольклорные формы достаточно органично сосуществуют с творческими акциями в целом: «Правильное» фольклорное творчество, с одной стороны, как бы концентрируется в локальных анклавах, специализированных образованиях, в творчестве отдельных исполнителей, а

с другой — фольклорные проявления человека становятся дискретными, “рассеянными”, “мгновенными” акциями, в основе которых лежат не фундаментальные (в обычном понимании) явления, а “точечные всполохи” (курсив наш. — Е. Г.)» [Каргин 2010, 22]. Здесь речь идет «... не только о фольклорных формах творчества, но и о творческих акциях в целом» [Там же]. Обоснованным представляется замечание А. С. Каргина о том, что с позиции классической фольклористики не всегда оказывается возможным маркировать как заслуживающие фольклористического прочтения артефакты, в которых отсутствует один из внешних признаков фольклора. Ведь в таком случае, например, авторское творчество, базирующееся на воспроизведении символических форм традиционной культуры, рискует оказаться вне фольклористического дискурса. В контексте исследуемого материала — авторских текстов представителей современной украинской диаспоры в Италии, в которых очевидны черты традиционной культуры и фольклора, — эти идеи ученого помогают обосновать принадлежность анализируемого материала к компетенции фольклористики. Рамки статьи побуждают ограничить иллюстративную часть несколькими примерами, которые представляются типичными. В целом же проблема является междисциплинарной: анализируемый пласт народной культуры глубоко укоренен в исторический, социальный и политический контекст современности, поэтому для всестороннего его осмысления необходимо объединение усилий культурологов, историков, политологов, социологов, психологов. Именно междисциплинарной природой исследуемой проблемы мотивировано наличие социолого-статистической преамбулы.

Как свидетельствуют официальные источники, от пяти до восьми миллионов украинцев сегодня проживают и работают за границей. Заметим, что эмиграция украинских граждан в страны Западной Европы, возродившаяся в 1990-е гг. и названная Четвертой волной, — явление сложное и весьма драматичное, последствия которого в прогнозах социологов и политологов харак-

теризуются неопределенно, поскольку процесс оттока украинских граждан за рубеж продолжается. В научной литературе и СМИ это явление называют национальной трагедией. Верно ли его квалифицировать именно так, покажет время, но уже сегодня можно с уверенностью говорить о происходящих в связи с этим социальных, демографических, гендерных и прочих изменениях в стране. Вот что по этому поводу пишет заведующая кафедрой украинистики Римского университета «La Sapienza», старший научный сотрудник Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, доктор филологических наук, профессор Оксана Пахлёвська: «Роль нашей сегодняшней диаспоры может стать конструктивной силой строительства новой Украины. Но может обернуться и <...> очередной демографической катастрофой. Мы пока еще продолжаем быть страной покинутых отцов и покинутых детей. Наши женщины по миру опекают чужих родителей и растят чужих детей. Сколько же их, этих новых беженцев необъявленной войны, которую велла против собственного народа бывшая власть? Цифры колеблются от пяти до семи миллионов <...> У нас за границей огромный национальный архипелаг, — разбросанные человеческие острова в чужих морях <...>» [Пахльовська 2005, 55].

Украинских эмигрантов четвертой волны в Италии чаще всего называют «украинскими заробитчанами», «трудовыми мигрантами», однако сегодня имеются все основания, чтобы маркировать украинское сообщество как **диаспору**, исходя из современной трактовки этого понятия как «стойкой формы сообщества инациональных эмигрантов, которая возникла в результате миграции и проживает локально или дисперсно вне исторической родины, которая способна к самоорганизации» [Залитайло 2004]. Представители диаспоры, по мнению философа Ирины Залитайло, «объединены как содержательными, так и качественными духовными основами, что делает возможным распознавание дочернего клана базовой нации по всем матрицам жизнотворчества, которые направлены на качест-

венное формирование общего менталитета, соответствующего материнскому этносу и объединяющего дочерний пласт в инокультурной среде по таким признакам, как <...> групповое самосознание, память про историческое прошлое, культура народа» [Там же].

О тенденциях преобразования украинского сообщества в диаспору говорит и главный редактор «Украинской газеты в Италии» Марианна Сороневич в интервью, размещенном на независимом сайте украинцев «Лелеки» (Журавли). Собственно, само название интервью «Украинское сообщество (в Италии. — Е. Г.) медленно и неуклонно превращается в диаспору» [Українська громада 2009] является показательным. Причины этих тенденций обозначены следующим образом: «живя в этой стране длительное время, выполняя работу, которая не удовлетворяет их внутренних потребностей, люди ищут возможности самореализации и, как следствие, создают украинские сообщества, общественные организации, основной деятельностью которых являются культурные мероприятия. Наличие многих разрозненных организаций предопределило появление объединяющего органа. Им стал Центральный координационный совет украинских объединений в Италии. Информационную лагуну заполняют веб-странички украинцев в Италии, в частности, “Лелеки” (www.leleky.org) и самое крупное украиноязычное издание “Українська газета в Італії”¹». Частью «своего пространства» для украинцев в Италии стали недавно созданные региональные сайты, отражающие актуальную информацию о жизни и творчестве украинцев-эмигрантов, а также интернет-форумы, цель которых — сплотить украинских граждан в Италии, оказывая при этом информационную поддержку. Настоящим интеллектуальным центром для «итальянских» украинцев является кафедра украинистики университета «La Sapienza» в Риме, организованная и возглавляемая выдающимся украинским литературоведом и культурологом профессором Оксаной Пахлёвської.

¹ URL: www.gazetaukrainska.com

Духовную поддержку и реальную многостороннюю помощь оказывает украинским труженикам и Украинская Греко-католическая церковь, приходы которой уже существуют и продолжают открываться во многих регионах страны. Деятельность церкви распространяется, в частности, и на организацию многочисленных культурных мероприятий, из которых наиболее широкомасштабным является День матери, регулярно проводимый в начале мая в Риме. Этот праздник, главной идеей которого является сплочение и духовная поддержка украинских женщин-матерей, собирает десятки тысяч украинских тружениц со всех уголков Италии: женщины съезжаются для проведения общей молитвы за своих детей и родных. После церковной службы и общей молитвы празднование Дня матери продолжается совместной трапезой, концертной программой и традиционными украинскими коллективными песнопениями. Праздник получил широкий резонанс в итальянских СМИ, на него приезжает множество итальянцев, наслышанных про «*donne ucraine con belcanto*» (украинок, которые так красиво поют). Подобного рода мероприятия завоевывают всё большую популярность среди местного населения, что способствует формированию у него уважительного отношения к украинцам, и закономерно распространяется не только на эмигрантов, но и на украинский народ в целом. Традиционными стали фестивали украинской народной песни и танца, этнографические презентации, выставки украинской народной вышивки, костюмов, театрализованные реконструкции народных обрядов и обычаев, совместное с итальянцами празднование украинского Рождества, Пасхи и т. п. Всем этим украинские сообщества позиционируют себя как представители народа, имеющего древнейшую историю и уникальную традиционную культуру.

Российская исследовательница Ирина Карабулатова, говоря о многочисленности и дисперсности проживания украинских эмигрантов, отмечает следующее: «современные тенденции являются таковыми, что позволяют говорить о мощных сдвигах в связи с процессами

глобализации и интеграции Украины в мировое сообщество» [Карабулатова 2007]. Украинская диаспора на сегодняшний день — одна из самых многочисленных в мире, а украинцы, волею судеб разбросанные по свету, стремятся как можно дольше сохранить свою этническую идентичность. По данным официальных источников, численность украинских трудовых мигрантов в Италии колеблется от трехсот пятидесяти до пятисот тысяч. Стремление не утратить национальную идентичность, легитимно и публично манифестировать ее уникальность стало одной из причин настоящего всплеска литературного творчества украинцев, которые трудятся в Италии. В редакцию украинского христианского журнала «До Світла. Християнський часопис українців в Італії» (К Свету. Християнський журнал українців в Італії), который выходит под патронатом Украинской Греко-католической церкви в Риме, ежедневно приходят письма от украинских трудовых мигрантов, работающих в Италии. Преимущественно это стихотворные, реже — прозаические произведения, авторы которых признаются, что впервые взяли за перо и что главным побуждающим импульсом для творчества было стремление найти понимание у соотечественников, оказавшихся в сходной ситуации. Лишь малая часть этих текстов публикуется в журнале, большая же — ожидает своего времени и исследовательского внимания². Авторским стихотворениям в журнале «До Світла» отведена специальная рубрика «Коли в душі народжується слово» (Когда в душе рождается слово). Эти разножанровые произведения, преимущественно документального характера, представляют собой интереснейшее явление. По формальным и содержательным признакам тексты имеют атрибутику фольклорных, что позволяет им стать предметом фольклористического анализа.

² Об этом в свое время упоминал украинский исследователь Ростислав Крамар: «творчество современной украинской трудовой миграции — явление, на которое современная наука не обратила должного внимания» [Крамар 2007].

Современная фольклористика трактует фольклор как «совокупность разнообразных невещественных способов создания, закрепления, сохранения и передачи — в форматах активного функционирования — традиционного опыта разнообразных социальных, профессиональных, возрастных и иных групп, коллективов, сообществ, которые образовались по разным причинам и мотивациям» [Путилов 1996]. Этот тезис Б. Н. Путилова для нас является основополагающим, несмотря на внешнюю уязвимость (в нашем случае) термина «невещественные способы создания», поскольку исследуемый материал носит печатный формат, большая его часть имеет авторство. Тем не менее, встречаются и анонимные произведения, а некоторые авторы сознательно подписывают тексты только именем, чем, по нашему мнению, акцентируют типичный, обобщающий характер своей истории. Что особенно показательное, к имени порой добавляют этноним, к примеру: «Мирослава, бойкиня»³, подчеркивая тем самым равнозначность индивидуального и коллективного, этнического опыта.

В исследуемых текстах наиболее распространенными жанрами являются песни-хроники, невольничья и семейно-бытовая лирика, плачи, трудовые, наймитские, «заробитчанские» песни, поэтические мемораты, «бувальщины» (именно в последних чаще всего наблюдаются элементы политической и социальной сатиры). Амплитуда эмоциональной окрашенности текстов колеблется от безнадежно-тоскливой до радостно-жизнеутверждающей. В парадигме отражаемых чувств, переживаний, эмоций доминирует, безусловно, тоска по Родине, дому, семье, в чем также эксплицируется этноментальное сознание, особенно обостренное в условиях чужбины и социальной изоляции. Хрестоматийные для каждого украинца вопросы «Что́ мы?.. Чьи сыны?.. Кем? За что́ закованы?..»⁴ вариативно при-

³ Бойки — название одного из украинских этносов.

⁴ Авторский перевод фрагмента цитаты из поэтического послания Тараса Шевченко «І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Україні і не в Україні моє дружнєє посланіє». В тексте оригинала: «що ми?.. Чий сини? Яких батьків? Ким? За що закуті?..».

сутствуют в большинстве произведений и побуждают авторов к поискам ответов и определению духовного стержня как спасительной силы. Таким духовным стержнем становятся вера в Бога, непререкаемая святость семейных ценностей, патриотизм, историческая память. Всё это предопределило существование наиболее распространенных мотивов и сюжетов в текстах: разлука с родиной, утраченные годы, чужбина и чужие люди, униженность и страдания, грех и искупление, жертвенность и терпение и т. п. Частотность этих мотивов прежде всего свидетельствует об их повторяемости и типичности в реальной жизни «итальянских» украинцев.

Одной из самых драматичных коллизий жизни эмигранта является вынужденное невозвращенчество — своего рода «социальная западня», в которую попадают многие⁵. Временность «невъездного» статуса эмигранта на самом деле может растягиваться на долгие годы: нам приходилось встречаться с трудовыми мигрантами, которые по 4-5 и более лет не имели возможности побывать дома. В течение этого времени структура семейно-родственных связей и отношений, безусловно, претерпевала существенные изменения, как правило, деструктивного характера. Информанты признавались, что все эти годы они жили в состоянии внутренней раздвоенности: с одной стороны, пребывание на заработках понималось как вынужденное, временное и чуждое, с другой — происходила реальная адаптация эмигранта к чужому социуму и чужой жизни, что пролонгировало и углубляло психологическую границу между ними и их семьями. Автору статьи неоднократно приходилось слышать, что жизнь на заработках понимается информантами как «не своя», «чужая», «их» (итальянцев. — *Е. Г.*), поскольку

⁵ Причин временного «невъездного статуса» трудового мигранта может быть много: прежде всего это нарушение визового режима и, как следствие, — необходимость легализации своего пребывания в Италии. Поскольку бюрократические процедуры растягиваются на месяцы и годы, человек становится настоящим заложником ситуации, в которую попадает не только по собственной инициативе.

«своя жизнь» возможна только «у себя дома», «в Украине», в кругу родных и близких.

Невозможность приехать домой (даже в случае крайней необходимости) закономерно становится типичным и частотным сюжетом авторских текстов. Так, стихотворение Натальи Сосновской-Гоцы «Ми не поети — ми жінки...» (Мы не поэты — мы женщины...) [Сосновська-Гоца 2006], своего рода обобщающий меморат, насыщено народно-поэтической образностью:

Ми не поети — ми жінки, в яких прокинулися думки,

Ніхто і гадки з нас не мав, що досі дарцей десь дрімав.

А ностальгія й чужина збурили нерви аж до дна.

І йдуть слова самі по собі, і ллються слюзи на папір:

То в розпачі бурхливе море, то душі мало місця — бракне слів...

<...> Хто плаче над світлиною з весілля, бо хустку пов'язала не сама...

А та ридає, бо ховали тата, не пригорнула донька, а могла...

[Там же].

Здесь очевидны народно-поэтические клише («бурное море», «льются слезы» и т. п.), паремии («грош тебе цена»), разнообразные тропы, но более существенным является то, что драматизм жизненных ситуаций передается посредством апелляции к народной традиции, которая является для автора высшим мерилем «правильности»/«неправильности» жизни и поведения. Так, отсутствие героини на свадьбе собственного ребенка драматично более всего потому, что она нарушила традицию, а именно: не смогла повязать невесте платок («хустку пов'язала не сама»). Традиционно в конце свадебного ритуала венок с головы невесты («віночок», «вельон») должна снять свекровь, чтобы затем повязать ей платок как уже замужней женщине. Это финальное ритуальное действие украинской свадьбы, которое венчает обряд, символически закрепляет его, — один из самых торжественных и значительных моментов украинской свадьбы. Как видим, его отсутствие становится той призмой, через которую

автором воспринимается и подчеркивается драматизм ситуации. Аналогичным по семантике и образности является и упоминание об отсутствии дочери на похоронах отца, опять-таки связанное в сознании автора с невыполнением традиционного дочернего прощания: «не пригорнула донька».

Более детально подобная ситуация изложена в поэтическом меморате Светланы Грубой «Весілля» («Свадьба») [Груба 2006]. Это одновременно и поэтическая хроника одного дня, и исполненная глубокого лиризма исповедь матери, которая не может дать дочери родительского благословения, ведь она «далеко в чужом краю». Драматизм сюжета усиливается элементами ламентации, песенно-плачевой интонацией и лексикой в строфе, которая завершается риторически-отчаянным вопросом:

Ой, не судіте мене ви, люди!

Адже ми тільки у тому винні,

Що опинились в чужій країні.

Чи хтось нас може тут зрозуміти?

[Там же]

В тексте прослеживается соединение двух традиций — литературной и фольклорной. Героиня, образ которой неотделим от авторского⁶, пребывает «тут» и «там» одновременно. «Тут» — возле больного сеньора, за которым ухаживает, «там» — на дочкиной свадьбе, каждую минуту которой видит и чувствует материнским сердцем. Эффект ирреального присутствия при реальном отсутствии максимально драматизирует смысл, создает эффект «видения» и, как следствие, — кульминационные коллизии в каждом микросюжете. Создание эффекта раздвоенности не только происходящего, но и проживаемой жизни задается с первых же строк:

Минула нічка. Пору вставати —

До шлюбу доною благославляти...

Поворухнувся сеньйор у ліжку...

Поспіть, сеньйоре, поспіть ще трішки.

У вас, сеньйоре, також є діти,

Але цього вам не зрозуміти

[Там же].

⁶ Особого исследовательского внимания заслуживает проблема максимального сближения образов героев произведений с их реальными прототипами.

Сценарий свадебного действия, насыщенный традиционной народной символикой (заплетание молодой, веночек, одевание молодой, приезд молодого, каравай, родительское благословение, венчание, свадебные «музики» и т. п.), героиня проживает словно реально: «Пора вставати — До шлюбу доню благославляти...», «В моєї доні сьогодні свято», «Вплітають доні віночок в коси...», «Благословляю тебе я, доню...», «Ідїть до шлюбу, щоб не спізнитись...», «Мені б зі шлюбу дітей зустріти...», «Ідуть вже гості. Музики грають, моє серденько надвоє крають», «В моєї доні весілля нині...» и т. д. И так же, как чередуются две сюжетные линии реальных и ирреальных событий в тексте, чередуется его поэтическая лексика и образность. Для изображения реального «тут» — перечисление будничных дел, бытовые подробности, разговорная лексика; для «там» — поэтический мир украинских народных свадебных песен во всем разноцветье его образности, символики, метафорики. Можно построчно проследить эти чередования:

Вже сонце сходить десь там, за морем
(здесь и далее выделено мной. — *Е. Г.*).

Поспіть ще трішки, поспіть,
сеньйоре.

Роботи у мене іще багато...
В моєї доні сьогодні свято —
Вона вдягає весільну сукню,
А я швиденько піду до кухні
І приготую сеньйору каву.
Всміхнулось сонце мені ласкаво...

А біля серця щось захололо...
Зосталось трішки ще корвалолу.
Води півсклянки — і все минеться...

Музики грають. Чи це здається?
Сеньйор ще кави горнятко просить.

Вплітають доні віночок в коси.

Благословляю тебе я, доню...
Сльоза зосталась на телефоні...

Хай береже вас Пречиста Мати.
Прости, не можу тебе обняти.

А ти не можеш мені вклонитись...

Ідїть до шлюбу, щоб не спізнитись...

Схолола кава... Іду, сеньйоре!
Чому я плачу? Чи в мене горе?

Ні, ні, сеньйоре, хай Бог боронить!

Виходить заміж сьогодні дня.

У вас, сеньйоре, також є діти...

Вам треба зараз укол зробити...
Вколю легенько — болить не буде...

Ой, не судіте мене ви, люди.

Мені б зі шлюбу дітей зустріти...

Ідуть вже гості. Музики грають,

Моє серденько надвоє крають,

Бо я далеко, в краю чужому.

Мені б, сеньйоре, на мить додому —

В моєї доні весілля нині...

Заходить сонце за хмарки сині

[Там же].

Пространство и время в восприятии лирический героини раздваиваются на традиционную для фольклора антитезу «своего» и «чужого», на «тут» и «там». Однако эта антиномия утрачивает свое традиционное конструирование, поскольку «тут» всё оказывается «чужим», а «свое» находится в недосыгаемо-далеком «там». Деструкция традиционного архетипа создает сильнейший по своей эмоциональной напряженности эффект «потерянности» героини во времени и пространстве, а документализм ситуации, невыдуманность истории усиливают этот эффект. Образ солнца, традиционный народный символ тепла и жизненной силы, обрамляющий стихотворение, привносит в него лиризм, оптимистические ноты и словно уравнивает эмоциональный фон. В украинском фольклоре образ женщины-матери традиционно исполнен высокой духовности. Именно в этом ключе создан образ лирической героини: в своих переживаниях, терпении, душевной боли она сохраняет глубокую человечность, безграничную доброту, внутреннее достоинство и жертвенность.

Поэтическая исповедь Олени Мачуги «Збігають дні, проходять ночі...» (Проходять дни, проходят ночи...) в жанровом отношении близка народной песне-плачу [Мачуга 2005]. Не только жанровая форма, но и фольклорные образы-символы, народно-песенная метафорика, традиционные антитезы и сравнения сближают это произведение с фольклорной традицией:

Збігають дні, проходять ночі,

Не зоглядишся — й рік минає.

Чому, душе моя, ти плачеш?

Чому ти спокою не маєш?

Сплела в вінок я зими з веснами,
Вже на порозі шістдесят.
На чужині далеко, дочко, ми,
А роки швидко так летять.

І якоря на чужині не кидаймо,
Бо чужий край — не рідна мати,
Не пожаліє, не пригорне,
Спішім додому повертатись!
[Мачуга 2005].

Интонации причитания характерны и для следующего стихотворения автора «Чомусь мені все так здається...» (Мне всё кажется почему-то...) [Мачуга 2005а], в жанровом отношении близкого к исповеди-монологу. Печальные раздумья, отчаяние, боль и безысходность — его основные мотивы:

Думками завжди на Україні,
А на чужині лиш ночую...
...Таких, як я, є тут багато,
Що подалися у світі
І залишили рідну хату,
Щоб дітям й внукам допомогти.
А час біжить, все може статись,
Одна надія лиш на Бога,
За рік — нема з чим повертатись,
А потім вже — нема до кого...
[Там же].

У «чужины» нет названия, что характерно для фольклорной традиции: собирательный образ чужого пространства не нуждается в детализации. Определение «чужая» становится исчерпывающей характеристикой, а дополняющие традиционные эпитеты достраивают семантический ряд: недобрая, немилая, злая. В этом стихотворении особо значимой является последняя строка: «За рік — нема з чим повертатись, а потім вже — нема до кого» (Через год не с чем возвращаться, а потом — не к кому). Это выражение, ставшее по сути паремией, — одно из самых популярных в среде украинских труженников. Лаконизм формы контрастирует с трагизмом типичного сюжета эмигрантской жизни, который «проживают» многие, приехавшие на заработки: за год работы эмигранты едва способны вернуть долги за визу и дорогу. Первый год эмигрантской жизни — самое серьезное и сложное испытание: отсутствие

легального статуса, черный рынок труда, практически легальный украинский рэкет в южных регионах Италии⁷, ограниченная коммуникация, финансовые сложности, изолированность, десоциализация и, как следствие, — психологические и даже психические проблемы. Тех же, кто выдерживает этот период, в последующем ждут новые испытания — семейные проблемы. С болью говорят эмигранты о том, что их «забывают» на Родине даже самые близкие люди, при этом продолжая пользоваться «остарбайтеровскими» деньгами. Литературное творчество становится для многих душевным спасением, именно поэтому писать стихи начинают те, кто ранее никогда не брался за перо. Возникает своеобразное коммуникативное поле «своих на чужине».

В этом корпусе текстов обращают на себя внимание часто повторяющиеся образы и символы, которые обладают особой актуальностью для авторов произведений и акцентированно подчеркивают оппозицию «свой — чужой». Совокупность этих выразительных средств можно трактовать как парадигму культурных кодов, маркирующих, с одной стороны, «свой мир», с другой — «чужой». Примечательно, что маркеров для обозначения «своего» значительно больше, нежели для «чужого». «Свой» мир представлен детализированно, многословно; из текста в текст повторяются христианские и народно-поэтические символы и образы: «Україна-матінка», «Господь Бог», «Матінка Божа», «Заступниця», «рідна земля», «мій народ», «рідний дім», «мамина пісня», «батьки», «сім'я», «діти», «рідна дитина», «рідна хата», «калина», «верба», «вишневий садок», «липи», «чорнобривці», «маки», «ромашки», «васильки у полі», «зелен-розмай», «струмочки», «джерела чисті», «червона рута», «Навечір'я», «Різдво», «колядки», «вертеп», «Паска», «писанки», «крашанки», «рушник», «веснянки», «журавочки», «лелеченьки» и т. д. Всему этому противопоставлен иной образный мир —

⁷ Об этом пишет Ростислав Крамар в статье «До питання фольклоризму та фольклоризації творчості трудових мігрантів» [Крамар 2007].

мир чужой страны и чужих людей, и здесь уже иной эмоциональный фон: «чужина», «чужа домівка», «чужі пороги», «чужі краї», «самотність», «сирота», «билина в полі», «порожній дім», «плач», «покинуті діти», «старенькі батьки», «сльозами вмиті очі», «сивина», «ніч», «дош», «сумна/далека дорога», «зlidні», «неволя», «наймичка», «рабство», «рабування», «Україна-вдова», «сира земля», «чекання», «сон», «гіркі думи», «розлука», «скорбота», «страждання», «туга», «ностальгія», «забуття», «провина», «мертва душа», «загублена доля», «загублена в світах», «гріх», «закордони», «страньєра» (итал. иностранка), «чужоземка», «чужинка» и т. д.

В поэтических текстах наблюдаем и постепенное формирование этноэтикетных форм общения: первоначально нейтральные формы обращения авторов стихотворений друг к другу «жінки» и «жіноцтво» (в текстах 2002—2003 г.) постепенно вытесняются иными: «сестри», «сестриці», «сестрички» («моя сестричко, нам пора додому», «ви, мої сестриці, в далекому краї скромні трудівниці»), «журавлі», «журавочки» («час вже нам, журавочки, додому», «журавочки, вертаймося до хати»), реже — «чайки», «перелітні птахи» (тексты 2004 г. и позже). В этом локальном явлении прослеживается динамика постепенного объединения и сплочения сообщества, формирования своих традиций, ориентированных на этнокультурные стереотипы. Оторванность от семьи, народа, Родины и, как следствие, желание ощутить на «чужой» земле поддержку «своих» побуждает к творческому общению, поэтическим диалогам, созданию своего мира в чужом пространстве.

Иную группу текстов в жанровом и образном планах иллюстрирует стихотворение Ольги Рентюк «І сміх, і гріх» («И смех, и грех») [Рентюк 2005]. Жанр произведения близок к фольклорному жанру «бувальщина» с подчеркнутым морализаторством, элементами бытовой, социальной и политической сатиры, с ритмомелодикой карпатской коломыйки, искрящейся народным юмором. Всё упомянутое, безусловно, роднит произведение с народно-поэтической традицией, но оно органично соединено с литературной: в стихотво-

рении ощутимы жанровые признаки послания и поучения с акцентированным публицистическим началом. Образ героини здесь — это образ решительной и смелой «правдолюбки», у которой активная жизненная позиция произрастает в первую очередь из чувства национальной гордости. Как и в большинстве авторских произведений, документальная основа поэтического текста усиливает его риторичность и убедительность:

Здоров'я вам, люди добрі!
З Риму вас вітаю.
У цім славнім древнім місті
Гроші заробляю.
Живу собі тихо, смирно
І не нарікаю,
А роботу, що Бог пошле,
отаку й приймаю.
Із натхненням мову вчу,
Бо є в тім потреба,
Як не вивчиш, — то само
Не впаде із неба
[Там же].

Активная гражданская позиция автора дает ей право на поучения, перемежаемые с детализированным описанием «неподобств», которые «вытворяют» порой ее соотечественники за границей и на которые ей «стыдно глянуть»:

Вміють наші крайночки
Вправно закидати.
Що не слово — матів п'ять,
Бідна ота мати...
<...>
Кренделики вишивають
У парку міському,
Горляють на всю округу,
Як в лісі якому,
Стидно глянути в їх бік,
Ніби з клоунади,
Виставляють напоказ
Жіночі принади.
І спереду й ззаду голі,
Спідниця до пупа,
Бо на місці голови
У них, мабуть, д...па.
<...>
Ні гонору, ні мозгів,
На ніч не зважають,
А як влипнуть у халепу,
Тоді нарікають...
Хто вас буде поважати,
Дороге жіноцтво?

Ви забули, що то цнота?
 А ви, парубоцтво?
 Пропили ще в Україні
 Козацькую славу,
 Приїхали в Італію,
 Й ганьбите державу:
 П'єте, б'єтесь, гендлюєте,
 І сватом, і братом...
 Бійтесь Бога, схаменіться,
 Бо буде розплата
 [Там же].

Риторические обращения и вопросы, которыми изобилует текст, подчеркивают его дидактизм, а в поучительном пафосе последних строк звучат своего рода призывы, адресованные всем украинцам. Примечательно обыгрывание популярного высказывания бывшего украинского президента Леонида Кравчука «Маєм те, що маєм» («Имеем, что имеем»). Укоренившееся в народной паремологии, иронически-печальное по своей семантике, высказывание маркирует примиренческую и даже покорно-смиренную позицию граждан по отношению к реалиям современной жизни. Ольга Рентюк решительно отрицает этот пассивно-инфантильный символ:

Поки маєм те, що маєм —
 Нема і поваги.
 Ніхто нам в цім не зарадить
 Й заради розваги!
 Поки самі не візьмемось
 Добре за чуприну —
 Не витягнем із багнуки
 Себе й Україну!
 [Там же].

Таким образом, это стихотворение представляет иную тенденцию в корпусе поэтических авторских текстов, а именно — сатирически-юмористическую.

Одним из типичных приемов в поэтических текстах этой группы является использование итальянской лексики, способной выполнять в них различные функции: от маркирования чужого пространства до создания смысловых антитез. В последнем случае благозвучные итальянские слова, являющиеся омоформами украинских, интерпретируются авторами как нелепые, ибо их «правильная» семантика, по мнению авторов, аккумулирована в род-

ном языке. «Свой» язык представлен как лучший, более правильный, более нравственный, что соответствует традиционным народным представлениям. Часто это сопровождается обращением к жанровым формам, близким к фольклорным, а иногда и непосредственно фольклорным. Так, Олена Худик называет свое произведение «Коломыйки», по аналогии с фольклорным жанром, весьма популярным и активно функционирующим в регионе украинских Карпат, на Гуцульщине. Коломыйки типологически близки русским частушкам: импровизационность, динамичная ритмомелодика, гибкость формы и, как следствие, внутренняя открытость для новых тем позволяет жанру оставаться одним из самых востребованных в украинском фольклоре. Реалии итальянской жизни, увиденные сквозь призму «коломыйковой» формы, уже обречены на критическое осмысление:

Поїдемо скоро
 У рідні Карпати,
 Італійську «cos-u»
 Будем пам'ятати.
 «Cosa devo fare»⁸
 І «Cosa mangiare»⁹
 Сіли нам у голові,
 Як наші стожари.
 Де ж ми годні зрозуміти
 Ту їхню культуру,
 Коли маємо у серці
 Вкраїнську натуру.
 «Importante» в італійців,
 Щоби день прожити,
 Добре «stomaco»¹⁰ набити
 І «pìpi» зробити
 [Худик 2005, 134].

В этом фрагменте интересно сопоставление многозначного итальянского слова «cosa» (в переводе — вещь, предмет, нечто и т. д.) с украинским словом «коза». Несклоняемое в итальянском языке, автором оно сознательно используется в винительном падеже, таким образом создается омоформа «козу́» («cos-í»): «...итальянскую козу́ будем вспоминать». Тот же прием использования омоформы присутствует и в следующей строфе:

⁸ Итал. «Что делаешь?».

⁹ Итал. «Что ты ешь?».

¹⁰ Итал. «желудок».

В Україні у неділю чоботи поцую,
А в Феррарі, де не піду, лише «puzzo»
чую
[Там же].

Украинское диалектное слово «поцувати» в тексте употребляется в значении «начищать» (здесь: обувь до блеска), в итальянском же языке «puzzo» — это неприличное, бранное слово. Одинаединственная антитеза способна выгодно подчеркнуть достоинства українки, своим внешним видом проявляющей уважение к воскресному дню, в сравнении с итальянцами, которые в такой день позволяют себе сквернословить. В среде «итальянских» украинцев сложилась определенная система таких антитез, которые часто обыгрываются как в стихотворных текстах, так и в разговорной речи. Еще одна из них: итал. «сага» (дорогая, красавица) и укр. «кара» (кара, наказание):

Старий сеньйор в паналонах¹¹
Вже «cento»¹² літ має,
А шовечора у вікно «саги»¹³ виглядає
[Там же].

В анализируемом фрагменте эта антитеза обрастает и типичным контекстом, рассчитанным на его понимание «своими» — теми, кому хорошо известны и неприглядные стороны трудовой эмиграции. Среди приехавших в Италию есть и те, кто ищет случая позариться на чужое богатство. Таким образом, получается, что столетний сеньор, высматривающий в окошко красавицу («саги»), рискует найти себе «кару» по-украински.

В среде украинских труженников бытуют и устные тексты, которые сродни либо упомянутым «бувальщинам», либо анекдотам. В основе их сюжетов — типичные истории из жизни «заробитчан», чаще всего поучительного и комического характера. Такими историями, как правило, «старожилы» делятся с новичками, чтобы те ощутили «местный колорит» и знали, какие неожиданности их могут подстергать в чужой стране. Это курьезные случаи, связанные с незнанием итальянского языка либо

непониманием различий в культуре и менталитете двух наций. Рассказы, в которых умные, смекалистые и работающие украинцы противопоставляются богатым, ленивым и любвеобильным итальянцам, передаются из уст в уста, пересказываются/перепишываются во время встреч. Здесь снова можно говорить о «своей» культуре, которая функционирует «вживую» и в среде «своих». Автору статьи многократно приходилось слышать такие истории, причем контекст их воспроизведения всегда имел значение: информанты становятся более открытыми и откровенными, когда контакт с собеседником эпизодичен и не подразумевает продолжения. Так, у Посольства Италии в Киеве, в очереди для сдачи документов на продолжение трудовых контрактов украинские работницы охотно делятся подобного рода рассказами, указывая, что их «все наши в Италии знают». Популярен например, рассказ о новоприбывшей в Италию украинке, которая, устроившись на работу к старенькому сеньору, сообщила подругам, что дедушка, несмотря на то что немощен, старается бодриться и очень хочет поехать «к нам в Одессу на море». Незнание украинкой итальянского языка приводит к непониманию щекотливости ситуации: дедушка на самом деле хочет «adesso amore», то есть любви (итал. «amore») прямо сейчас (итал. «adesso»). Комический эффект и назидательный подтекст истории сочетаются: неопытным работницам полагалось бы учить итальянский язык и знать о любвеобильности местных мужчин даже преклонного возраста.

Общеизвестен и сюжет об украинке, которая, с трудом устроившись на работу без знания языка, в первый же день эту работу теряет: сеньора, за которой надо ухаживать, умирает в этот день. Сообразительная женщина, оказавшись в непростой ситуации один на один с покойной и не зная ни слова по-итальянски, сообщает ее родственникам о случившемся, прокричав в телефонную трубку: «Гитлер капут!».

Популярности текстов, которые бытуют в устной форме либо в рукописных записях, всё чаще способствуют украинские интернет-ресурсы в Италии.

¹¹ Итал. «подгузники».

¹² Итал. «сто лет».

¹³ Здесь итал. «красавица».

Так, на сайте украинской церковной общины г. Генуи размещено стихотворение «незнакомки» со следующей преамбулой редакторов: «Этот поэтический рассказ про украинку-труженицу очень полюбился в Генуе, его переписывают из рук в руки. По Вашей просьбе мы публикуем его и благодарим неизвестного автора за меткую, правдивую и с юмором написанную историю» [Незнайомка, 2009]. В стихотворении повествуется об украинке-«заробитчанке», с которой в воскресный день происходят чудесные превращения: в свой выходной она из служанки превращается в настоящую «царицу»:

Йде по вулиці чужій
Струнка, гарна жінка.
Зразу видно, люди добрі,
Що то українка.
Вчора лиш вона була
У людей служниця, —
А сьогодні вихідний
І вона цариця
[Незнайомка, 2009].

Обобщенный образ украинки создан в рамках народных представлений о достоинствах женщины, которая прежде всего должна быть работящей, мастерицей на все руки, при этом в любых обстоятельствах оставаясь красавицей. В тексте используется лексика украинских народных величаний («віншувать»): «царица», «золото», «умелица». Добродетели женщины показаны и сквозь призму традиционного этноэтикета, регламентирующего поведение «в пиру и в миру»:

Вміє шити, вишивати, вміє і в'язати.
Та всього, що вона вміє
Не можна сказати!
Може випити вина і пожартувати,
На весіллі за столом може заспівати
[Там же].

Такому практически идеальному образу украинки противопоставлена ее молодая хозяйка-итальянка, ленивая и злая «Яга», которая только и умеет, что лежать на диване, смотреть телевизор и подгонять свою служанку:

То полежить на дивані,
Телевізор включити
І як він вже надоїсть,
То служницю мучити.

Йде «Яга», нарешті, в ліжко
І лягає спати,
Тобі треба по обіді
Все попросувати...
На Україну в наше село італійку взяти,
То даю я, люди добрі, голову відтяти,
Що прийшлося б через тиждень нам
її ховати
[Незнайомка, 2009].

Высоконравственное поведение украинских тружениц подчеркивается тем, что они заслужили уважение у стареньких больных сеньор, за которыми ухаживают:

Стара хвора італійка
Нам руки цілує.
Українка її миє,
Вдягає, годує
[Там же].

Как это характерно для вышеупомянутого жанра «віншувать», финальной частью стихотворения является словословие. Украинскую труженицу величают за ее трудолюбивые руки, которыми она «всю вашу Италию подмела, помыла», за это она заслуживает памятник при жизни:

Тож зберіться по «євраці»
Усі італійці
І поставте пам'ятник
Нашій українці.
І встеліть усе підніжжя
Лавром і квітками.
Вона його заслужила
Своїми руками.
Поклоніться їй у ноги, —
Вона заслужила,
Усю вашу Італію
Підмела, помила
[Там же].

Таким образом, жизнь и творчество украинской диаспоры в Италии представляет собой уникальный социокультурный феномен, относимый нами в равной степени как к истории и этнографии украинского народа, так и к его фольклорной традиции. Украинские эмигранты идентифицируют себя как сообщество, для которого объединяющей силой являются главные признаки национальной самоидентификации: принадлежность своему народу, исторической родине, христианские добро-

детели, высокая нравственность. Культурная парадигма украинской диаспоры в Италии ориентирована на традиционные духовные ценности, сформированные как общим историческим прошлым, так и восприятием настоящего и будущего, своего и чужого пространства, отношений и норм поведения внутри общины, что нашло отражение в авторских текстах. В них проявляется прежде всего массовое, а не индивидуальное сознание, а в образно-выразительной системе доминируют традиционные народно-поэтические символы, формулы и клише. Стремление к самоидентификации побуждает авторов к ее воплощению в формах народной культуры, чем мотивировано обращение к традиционным фольклорным жанрам либо к синкретическим формам с доминированием фольклорного начала. В исследуемом материале выразительно прослеживаются мировоззренческие и ментальные стереотипы украинской народной культуры, которые претерпевают как содержательные, так и формальные трансформации под влиянием и в обрамлении чужеземного контекста, в котором традиционные элементы акцентированы и зачастую приобретают подчеркнuto эмоциональную окрашенность и новые коннотации. Этот пласт духовной культуры украинского народа должен быть всесторонне исследован и вписан в общеукраинское культурное пространство.

Литература

Груба 2006 — Груба С. Весілля // До Світла. Християнський часопис українців в Італії. 2006. № 6—7 (51—52). С. 54.

Залитайло 2004 — Залитайло И. В. Социокультурные характеристики этнонациональных диаспор в провинциальной России: Дис. ... канд. фил. наук. Тамбов, 2004. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/127133.html#contents> (дата обращения: 07. 12. 2009).

Карабулатова 2007 — Карабулатова И. С. К проблеме украинских онимов за пределами Украины: новый украинский пласт в ономастических субпространствах // Українознавство. 2007. № 4 (25). С. 225. URL: <http://www.ualogos.kiev.ua/fulltext.html?id=1160> (дата обращения 02. 12. 2009).

Каргин 2010 — Каргин А. С. Фольклор в современном культурном пространстве // От

конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: сб. мат. М., 2010. С. 18—29.

Крамар 2007 — Крамар Р. З. До питання фольклоризму та фольклоризації творчості трудових мігрантів // Народна творчість та етнографія. 2007. № 3. С. 80—85.

Мачуга 2005 — Мачуга О. Збігають дні, проходять ночі... // До Світла. Християнський часопис українців в Італії. 2005. № 8—10 (41—43). С. 60.

Мачуга 2005а — Мачуга О. Чомусь мені все так здається... // До Світла. Християнський часопис українців в Італії. 2005. № 8—10 (41—43). С. 60—61.

Незнайомка 2009 — Незнайомка. Про українко-заробітчанок // Comunita ucraina in Genova = Українська церковна громада у Генуї. Дата: 11 April 2009. URL: <http://www.genova.org.ua/?p=306> (дата обращения 23.01. 2009).

Пахльовська 2005 — Пахльовська О. Е.-Я. Майдан, простір майбутнього // До Світла. Християнський часопис українців в Італії. 2005. № 11 (44). С. 53—55.

Путилов 1996 — Путилов Б. Н. Фольклор Гулага как факт культуры. URL: <http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/GULAG/Putilov.html> (дата обращения: 08.09. 2009).

Рентюк 2005 — Рентюк О. І сміх, і гірх // До Світла. Християнський часопис українців в Італії. 2005. № 6—7. С. 96.

Сосновська-Гоца 2006 — Сосновська-Гоца Н. Ми не поети — ми жінки... // До Світла. Християнський часопис українців в Італії. 2006. № 1 (46). С. 54.

Українська громада 2009 — Українська громада в Італії повільно, але неухильно, перетворюється у діаспору. Розмова із Маріанною Сороневич, головним редактором Української газети в Італії. URL: http://www.leleky.org/index.php?option=com_content&view=article&id=287:2009-10-08-15-25-03&catid=25:2009-05-10-10-13-39&Itemid=37 (15.10.2009).

Худик 2005 — Худик О. Коломийки // Гавдеамус по-емігрантськи. Антологія творчості заробітчан. Рим, 2005. С. 133—136.

Summary. *The article analyzes manifestations of traditional folk culture in the life and creative works of Ukrainian diaspora in Italy. The author researches the outlook and ethnomental stereotypes of the Ukrainian folk culture that are expressed by the given socio-cultural group as one of the ways in which the "private space" is constructed in the «alien environment».*

Key words: *Ukrainian diaspora in Italy, Ukrainian migrant workers, traditional culture, private space, alien environment.*